

НАША СТРАНА

Год издания—43-ий. Буэнос Айрес, суббота 29 декабря 1990 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 29 de diciembre de 1990 № 2108

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

АРГЕНТИНСКО-ПАРАГВАЙСКОЙ ПАСТВЕ И ВСЕМ ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТИАНАМ, В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ СУЩИМ

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». (Луки, 2, 14)

Сонм воинства небесного, начиная от ангелов и архангелов и кончая многочислыми херувимами и шестокрылатыми серафимами, немолчно поет Божественную славу Трипостасному Богу.

Особенную же хвалу ангельские чиноначалия воздают Господу Богу, когда открываются Его чрезвычайные действия и слава. Так, при сотворении Богом звездного мира, "восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои". (Книга Иова 38, 7-8). Когда Спаситель мира снисходит на грешную землю, для воссоздания павшего человека, и Ангел Господен возвещает Вифлеемским пастухам "радость велию, яже будет всем людям: яко родился вам днесь Спас, иже есть Христос Господь, во граде Давидове" (Луки 2, 10-11), "внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: "Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение". (Луки 2, 13-14).

Вифлеем, что означает "дом хлеба", является обиталищем Христа. Христос становится Хлебом небесным, Хлебом вечной жизни.

Первые христиане живут этим Хлебом и "постоянно пребывают в учении апостолов, в общении и преломлении Хлеба и в молитвах" (Деян. 2, 42), часто приобщаясь Тела и Крови Христовых. Церковь Христова, уже на первых порах Своего существования, поет одухотворенно и продолжает петь: "Хлеб небесный и Чашу жизни вкусите и видите, яко благ Господь: Аллилуия..." Принесший мир и благоволение Христос созидает Церковь Святую Свою, а Она, Церковь, по словам святого апостола Павла — Тело Христа.

Сердцем и духом созерцая явление в грешный мир Спасителя нашего, мы со страхом Божиим и трепетною любовью зрим небо отверзшееся и осиявшую землю славу Божию, зрим ангелов Божиих, над землею поющих хвалу Трипостасному Богу.

Снисхождение Божие с небесных высот на грешную землю преобразует ее. Вертеп становится небом. Херувимы уступают свое служение Преподобной Матери — Деве, Которую Святая Церковь именует "Престолом Херувимским". Ясли становятся вместилищем Невместимого. Перед Богомладенцем преклоняют колена пастыри Вифлеемские. Божественного Младенца одаряют золотом, ладаном и смиренною волхвы с востока. К пастырям и волхвам присоединяются и наши усталые души, и все мы, одухотворенные, обрадованные и Богомладенцем облагодатствованные воспеваем: "Христос раждается, славите!"

† Иоанн, Епископ Буэнос-Айресский и Аргентинско-Парагвайский

Спите Орлы Боевые...

ВЕНОК НА МОГИЛУ БЕЛЫМ ВОИНАМ

Не стало Орлов, не стало Белой Гвардии. Но дух вскормленный жертвой, подвигом и верой живет и по сей день и будет жить во веки.

Уснули Орлы. По всем просторам Святой Руси и в дальних странах рассеяния нашли они вечный покой, исполнив свой долг до последнего вздоха, пройдя тернистый путь Русского Воина.

Уснули... От неизвестных, поросших бурьяном холмиков, от подвала страшного екатеринбургского дома, от угара кровопролития и страданий тянется в наши времена обобщающая нить великого русского горя, страшного испытания и горячей молитвы о спасении Руси.

Уснули... и ряды их, овеванные слабой и геройством стали у подножья Всевышнего на последний Высочайший Парад.

А с ними и вся Россия. В окровавленных ризах, в простреленных шинелях и гимнастерках, с чудовищными ранами в продырявленных висках и затылках, со следами вакханалии убийств, изрезанные и порубленные, в топках сожженные и в баржах потопленные, Белые Орлы предстали сегодня перед историей как воплощение чести и достоинст-

ва, как пример верности и отваги, как дух непобедимый, дух неизмеримый, дух Русского Офицера и Солдата. Стали легендарными богатырями, витязями не знавшими страха и колебаний. В каждом из них билось «золотое сердце России» и из дали ушедших лет, из далеких воспоминаний Белой войны, их тень становится постоянным напоминанием нам, ныне здравствующим, о нашей обманчиво вечно чтить всех тех, кто невзирая на все трудности и опасности, с открытым забралом вышел на неровный бой за поруганную Россию.

Спите Орлы Боевые... и да приснится вам поступь великих событий, свет соборов и двуглавых орлов, да послышится вам сегодняшнее биение многих русских сердец, недвусмысленно отдающих вам честь.

Настанет час, когда вся Россия воздаст Белым Орлам по их деяниям, по их заслугам и хотя их уже и не будет, но их дух, вознесется со всей земли русской, словно ладан к небесной веси. И мы скажем им: «вы заслужили славу и вечный покой».

Г. М. Моисеев

ТОЛЬКО ЧТОБ В РОССИИ НЕ БЫЛО ПРАВОСЛАВИЯ

"Здесь сегодня все сложно. Да, расцветает духовность, из руин восстанавливается Церковь! Но ... по всей Украине громят православные приходы, откололась Украинская церковь. Но ... здесь, в Сибири, в Академгородке, в только что открывшемся Лицее (в школе-лицее) факультативные занятия по Закону Божию ("история религии") читают ... две католические монашки (молодые монахини). По всей прессе, по всему радио-телевидению все откровеннее, все яростнее наступают русофобы, русофобы, русофобы. Огромные средства, из-за границы, инъецируются протестантским конфессиям ... Все что угодно! Только чтоб не было духа России, не было Православия. И в молодежную среду ввинчиваются оккультисты, кришнаиты, теософы — кто угодно, лишь бы отвлечь молодые сердца от России, от Православия! Это реальность.

В Москве, на Красной Площади, 4 ноября с. г. я принял участие (Господь соблаговолил, что именно в этот день оказался я в Москве и именно в этот

час пришел к Кремлю!) в молебне! Освященник за Кремлю! в молебне! Восстанавливаемый Казанский Собор!

Можно ли, возможно ли было даже представить лет пять тому назад: над Кремлем плывет колокольный звон! Над старинной брусчаткой Красной священной площади развеваются тяжелые церковные знамена, вздымаются хоругви ... и море, море свечей, и бесконечный поток народа через маленькую деревянную часовенку — приложиться Образу Пречистой, опустить в ящик пожертвование! Всю ночь шел народ, всю ночь горели свечи! Светло и радостно на душе, ликует сердце.

И в тот же день, на площади Свердлова и на площади Революции состоялись митинги патриотической общественности Москвы. На бетонных заборах расклеены были страницы "Нашей Страны". И многие, многие экземпляры копий "Нашей Страны" розданы были народу."

Н. Н. (Новониколаевск)

В РОЖДЕСТВЕНОМ ОБРЪЩЕНЫМ!
В НОВАМ ТОДОМ!

Е. КАРМАЗИН

О КНИГАХ А РЫБАКОВА (2)

В московском неформальном журнале "Гласность" роман А. Рыбакова критикует Ю. Карабчиевский (автор блестящей критической биографии Маяковского, вдребезги разруганной, однако, Галиной Келлерман в "Континенте" номер 47, вероятно, в порядке сведения групповых счетов).

"По Рыбакову выходит, — пишет рецензент, — что не будь Сталина, возглавляй ту же систему-машину Киров или Орджоникидзе, была бы у нас перестройка, гласность и самокупаемость". Конечно, коммунистическая система — это империя зла, но и в ней велика роль личности вождя: при Ленине образца 1922 года ("после отрезвления", как пишет теперь "Литгазета") был НЭП, при Хрущеве — оттепель, при Брежневле — разрядка, при Горбачеве — перестройка. Ю. Карабчиевский был бы прав, если бы сказал, что при всех этих вождях сохраняется тоталитарная система. Но похоже, что он перестройку, гласность и мифическую "самокупаемость" уже не считает злостью режимом, — в этом мы с ним не согласны.

"Читая рассказ Рыбакова", — продолжает Ю. Карабчиевский, — мы должны поверить в ряд невероятных фактов. Например, что добрый и человечный Орджоникидзе приказал шоферу задержать машину, чтобы Киров не попал в опасный для него Ленинград. Мы должны поверить в два разных НКВД, московское плохое и ленинградское хорошее". Что же тут все-таки невозможного? Что Орджоникидзе, который застрелится через 3 года, пытается спасти Кирова, которого застрелят через 3 дня? Вполне нормальная взаимовыручка, увя не дошедшая до переворота, до Термидора. Или что московский НКВД уже перестроен для массового террора, а ленинградский еще не готов, Киров не соглашается ("Бесчинствовать Запорожцу в Ленинграде не позволим"). Что невозможного? Да вот за это Сталин и убил Кирова.

Рецензент продолжает: "Автор явно больший роялист, чем король. Искренний, добрый, демократичный Киров, задушевный, домашний, простой Серго. — Вспомним хотя бы, как возмущался Ленин хамством и грубостью Орджоникидзе", — пишет он. В романе все это изображено совсем иначе: "Все эти годы Киров поддерживал Сталина, его линию, боролся с его врагами, подымал его авторитет, делал это искренне, убежденно, хотя ему были неприятны многие личные черты Сталина. И вместе с тем выступить против Сталина нельзя. В этом вся трагедия. Его методы неприемлемы, но линия правильна". — Где тут искренность, доброта, демократичность? Стандартная тоталитарная мораль.

По поводу Орджоникидзе в романе сказано: "Почему Орджоникидзе допускает сейчас избиение хозяйственных кадров? Арестовывают инженеров, директоров заводов по нелепейшим обвинениям. Как позволил Орджоникидзе уничтожить Авеля Енукидзе, своего лучшего друга, которого знает с юности? Отлично понимает, что Сталин с ним сводил счеты из-за брошюры, в которой Енукидзе написал правду. А Серго не поднял голоса в его защиту. Боишься вступить за Авеля, вступишь хоть за этих, ни в чем не повинных простых людей, несчастных сотрудников Кремля: секретарш, уборщиц, швейцаров, кладовщиков, просто случайных людей, уничтожаемых только для того, чтобы придать делу Енукидзе видимость заговора.

Не сказал, не опротестовал, не защитил". Где же здесь задушевность и простота? Типичная большевицкая мораль.

Как сказано в другом месте романа: "Вы все думали о том, как бы кого не допустить до власти: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина. И только Сталин думал о том, как самому взять власть. И взял. И уничтожит всякого, кто встанет на его пути".

Рецензент продолжает: "Книге Рыбакова не хватает открытости, учета всеобщей осведомленности, уважительного диалога с интеллигентным читателем, с человеком, который знает". — Напрасно Ю. Карабчиевский взялся говорить от имени всех, дело опасное. На мой взгляд, напротив, в романе имеются не только все перечисленные качества, но и лукавство романиста.

"Система рассматривается изнутри, а герои романа, напротив, с поверхности. И поэтому, несмотря на профессионализм Рыбакова, заслуживающий всякого уважения, несмотря на искусно построенный сюжет и крепко сколоченную сталинскую линию, его герои, в сущности, взрослые дети, или дети, играющие во взрослых", — пишет Ю. Карабчиевский. Все это верно, но рецензент не может согласиться, что в этом и состоит суть сюжета: дети, стремительно (и уродливо) вынужденные становиться взрослыми. В заключение приведу здесь выдержки из знаменитых внутренних монологов Сталина, описанных в романе. "Русский народ, хотя и способен на редкий необузданный бунт, привык, однако, чтобы им управляли. Парламентская республика немыслима в России, мужик со своим здравым смыслом сам хочет, чтобы власть держала его в узде. Русский народ в массе своей единовочен, он не знал ни религиозных войн, ни серьезных религиозных движений, какие знал Запад. На протяжении почти тысячи лет он сохранял религию, данную ему властью. Теперь он получает новую веру, она должна быть единой, иначе народ не поверит в нее.

Перед верховной властью каждый должен чувствовать себя бессильным. Можно ли назвать это террором? Письмо Энгельса Марксу: "Террор — это большей частью бесполезные жестоко-

сти, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх". (Дадим здесь продолжение цитаты, отсутствующее у Рыбакова: "Я убежден, что вина за господство террора в 1793 году падает почти исключительно на перепуганных, выставляющих себя патриотами, буржуа, на мелких мещан, напускавших в штаны от страха, и на шайку прихвостов, обдывавших свои делишки при терроре" — "Л. Г." 12-7-89). Террор вовсе не состоит из бесполезных, бессмысленных жестокостей.

Да, террор жесток, но он всегда осмыслен, всегда преследует определенную цель и не всегда совершается перепуганными людьми. Наоборот, перепуганные люди не решаются на террор, не самоутверждаются, а уступают врагу. "Что такое террор, — писал Плеханов, — это система действий, имеющих целью устрашить политического врага, распространить ужас в его рядах". Это определение правильнее энгельсовского, ибо утверждает позитивную роль террора, но оно недостаточно. Оно ограничивает объект террора только врагом, только противником. Плеханов примитивно истолковал латинское слово *terror* — страх, ужас. На самом деле террор — это не только средство подавления инакомыслящих, а прежде всего средство установления единогласия, вытекающего из единого для всех страха. Самый большой страх внушают массовые тайные репрессии, и они должны быть и являются главным методом террора. Террор не только прививает народу беспрекословное подчинение, он воспитывает в нем равнодушие к жертвам, внушает сознание малоценности человеческой жизни, уничтожает в нем буржуазные представления о морали и нравственности. И тогда народ повинует без сопротивления. Коллективизация и раскулачивание великолепно это показали. У крестьян отняли землю, скот, инвентарь — крестьяне подчинились. Голод начала 30-х годов унес миллионы жизней — люди покорно умирали". Эти мистически угаданные А. Рыбаковым рассуждения тирана следовало бы включить в подлинные сочинения товарища Сталина.

Е. КАРМАЗИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Весть о том, что Шеварнадзе подал в отставку вызвала немедленно такую волну реакций на Западе, что невольно приходит на ум подозрение: был ли он министром иностранных дел Запада или СССР? Также не совсем понятны его слова, что ему надоели вопросы о позиции СССР в Персидском Заливе: "У нас нет никакой позиции, ни в министерстве иностранных дел, ни в министерстве обороны". Наступает диктатура, заявил Шеварнадзе ("голосом придушенным эмоциями", утверждает одно западное агентство печати). Никто не знает, какая это будет диктатура, ни кто будет диктатором, добавил он. Однако, Горбачев ответил ему: здесь нет диктатуры, а только сильная власть, не надо путать понятия. Горбачев однако добавил, что он намеревался сделать Шеварнадзе вице-президентом этой сильной власти. Сильной власти пока еще не видно, зато, путаных понятий хоть отбавляй. Да и не только понятий, но и линий поведения. Тот же Шеварнадзе забыл, что он уже давно является крупным номенклатурщиком диктатуры, причем даже в секторе связанном с органами, и не только в перестроечный и застойный периоды. Ведь в компартию то он вступил при Сталине.

Когда-то давно, в "Нашей Стране" была выдвинута теория о действии в истории законов аналогичных другим законам природы (физическим, биологическим, психологическим и т. д.). В связи с этим, невольно приходит на ум сравнение сегодняшнего положения в нашей стране со снежным комом, который катясь вниз не только увеличивается в объеме, но и постоянно ускоряет скорость своего падения. Действительно, проблемы не только не разрешаются, но увеличиваются и обостряются. Ярким примером этому является вопрос о т. н. "союзном договоре". На днях, представители каких-то сепаратистских течений заявили, что если бы им два года тому назад Горбачев предложил то, что он им предлагает сегодня, они были бы в неопишемом восторге. Но, сегодня этого слишком мало, заявили они. То же самое можно сказать и о других проблемах, которые не разрешаются, а усугубляются. В стране увеличивается опасность голода, увеличивается отсутствие порядка и безопасности, увеличивается экономическая неразбериха и разруха и т. д.

Такое катастрофическое положение ухудшается не только отсутствием надлежащих мер для его исправления и отсутствием общего (глобального, как теперь говорят) плана для спасения страны, но и рядом дополнительных осложнений, как внутренних, так и внешних. Многие партократы и бюрократы вообще не думают о спасении страны, а о своем собственном спасении, хватаясь за обломки от крахлеушения системы. Часть бывшего, "ведущего слоя" сумела перестроиться, или вернее осуществить собственную метаморфозу, превратившись из блудолизом марксизма, в лево-радикальных нео-демократов, бешено враждебных ко всему народному и почвенному в нашей стране, тормозя и саботируя любой органический выход из положения. Получая при этом сильную поддержку всех видов от многих иностранных факторов, решившихся на отчаянное сопротивление всякому возрождению России. Но, так как это возрождение все-же наступит, то уже принимаются меры, чтобы его исказить и извратить.

П. Н.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «НАШЕЙ СТРАНЫ»

Австралия: Василий Иванович Рязанцев.

Mr. V. I. Riazantsev, Unit 15, 26 Morwick Str., Strathfield 2135, Australia.

Венесуэла: Вера Дмитриевна Кривоцова.

Sra. V. D. Kriwcow, Avda. Bruselas, Q-ta "Mausik", California Norte, 1070 Caracas, Venezuela.

Германия: Валентин Васильевич Зарубин.

Herrn V. V. Zarubin, Leopoldstrasse 69, 8000 Muenchen 40, Bundesrepublik Deutschland.

Канада: Борис Семенович Димитров.

Mr. B. S. Dimitrov, 461 Querbes Ave., Outremont QUE, H2V 3W4, Canada.

США: Наталья Николаевна Ткачева.

Mrs. N. N. Tkachov, 1200, 18-th Ave. # 203, San Francisco CA, 94122, USA.

Франция: Евгений Зиновьевич Кармазин.

Mr. E. Karmazin, 41 rue Joseph de Maistre, Paris (18-me), France.

Следующие лица благодарят Правление Красного Креста (старая организация) за помощь:

А. С. Хохлачева, Н. Г. Крейчик, И. В. Бобошко, В. Г. Коваль, О. М. Лотоцкая, Е. Д. Капинус, М. А. Ерохина, Н. О. Чернолуцкая, С. В. Шкурин, А. М. Томичич.

МЫСЛИ В СЛУХ

КОСТЯК ПОЖИРАЮЩИЙ
СВОЕ МЯСО

В этом, кончающемся, 1990-ом году исполнилось шестьдесят лет со времени выхода в свет самого популярного и самого известного произведения испанского философа Хосе Ортега и Гассет — "Восстание масс". (Первая его глава была опубликована отдельно на год раньше, в 1929 г.). Этот труд был переведен практически на все современные культурные языки, причем для перевода на французский язык Ортега написал специальное предисловие (в 1937 г.), а для перевода на английский — послесловие (в 1938 г.). В переводе Е. Шугаева на русский язык (с немецкого) оно было опубликовано впервые в ротаторном издании "Научно-философского Издательства НТС" в 1950 году, сорок лет тому назад. Затем, оно было опубликовано также и в "Издательстве Чехова", в другом переводе. Как мне пишет один студент-историк из Томска, в СССР в этом году "Восстание масс" тоже было издано в переводе на русский язык (это вообще первое издание произведений Ортега в СССР).

"Восстание масс" конечно не является главным произведением Ортеги. Популярность этого труда была вызвана в первую очередь популярностью самой темы, тем более, что его публикация совпала с апогеем вторжения масс на политическую сцену в Европе. Его название стало нарицательным, точно также как и название не менее известного произведения Освальда Шпенглера "Закат Европы". Однако, имеется еще вторая причина популярности "Восстания масс". Дело в том, что хотя Ортега и Гассет был философом, его интерес простирался также и на исторические, социологические и политические проблемы. На каждую из этих тем, Ортега написал ряд специальных исследований. Но, в "Восстании масс" все эти темы сплетаются воедино, в более публицистическом стиле. Однако, трудно избавиться от впечатления, что, даже несмотря на этот стиль, "Восстание масс" все таки многими не было вглубь понято. Популярным стало название, а не содержание книги. Еще хуже обстоит дело с другими произведениями Ортеги, которые довольно часто цитируются, но очень редко со знанием всего контекста, откуда взята цитата.

Хосе Ортега и Гассет (1883-1955) учился философии в Германии, в Марбурге, в традициях неокантианства. Однако, его философские идеи никак не соответствуют школе немецкого идеализма. Другой испанский философ, Хосе Феррарер Мора, разделяет философию Ортеги на два периода: период "перспективизма" (1910-1923) и период "радио-витализма" (1923-1955). Уже в первый период Ортега противопоставляет свои идеи одновременно идеализму и реализму, утверждая, что субъект (личность) не является ни осью, вокруг которой вращается действительность, ни только лишь простой частью этой действительности. Субъект — это жизнь, которая выборно, каждый раз в определенной перспективе, обращает свое внимание на те или иные аспекты действительности. Это приводит Ортегу затем к утверждению, что разум нельзя понимать только рационалистически, абстрактно, так как разум это проявление целостной жизни. Разум это не только абстрактное мышление, а все жизненные акты, которые помогают нам разобраться в жизненно важных делах и проблемах (или просто их пережить). Причем, сама жизнь есть то, что есть, а не то, что нам хочется

или кажется. Личность живет в рамках исторических и общественных обстоятельств, выражаемых в виде верований и нравов. "Я — это я и мои обстоятельства", говорит Ортега. Или же личность заката в идеологические тиски, и тогда не живет полноценно. (См. мою статью "Хосе Ортега и Гассет", в "Нашей Стране, 1348, от 30.12.1975).

"Восстание масс" посвящено двум темам. Первая — это вторжение на историческую сцену больших человеческих масс, одновременно с увеличением населения. С начала европейской истории в 6-ом столетии и до 1800 года население Европы никогда не превышало 180 миллионов, но за один век после этого оно достигло 460 миллионов. Человеком массы может быть любой человек, даже ученый, если он живет и думает в согласии с критериями массы. Основным из этих критериев является анонимность человека массы. И тут Ортега обращает внимание на одно совпадение: разбухшие (как и массы) государства, тоже действуют анонимно. Государство — это вторая тема "Восстания масс", и поэтому точнее было бы даже озаглавить этот труд как "Восстание масс и государств". И даже добавить: "Против личности и против общества".

Нельзя забывать обстоятельства появления этого труда. Это было в разгар социализма. "Социализм в одной стране" ускорил свой геноцид в России, проводя коллективизацию и вступая в первую пятилетку (Ортега ее упоминает). Социализм в другой стране провозглашал в гениально-краткой формуле свой эатизм. Ортега писал: "Народ превращается в мясо и в тесто, которыми питается чистый механизм и машина, каковыми является государство. Костяк пожирает облегающее его мясо. Строительные леса становятся владельцем и обитателем дома... Становится немного беспокойно слышать, как Муссолини возвещает... формулу: "Все через государство; ничего вне государства; ничего против государства". Этого достаточно, чтобы раскрыть в фашизме типичное движение людей массы". Социализм в третьей стране, провозгласив себя национал-социализмом, готовился стать "третьим рейхом" и начать другие геноциды.

Интересно, что все социалистические и социализирующие течения, вплоть до наших дней, с трудом расстаются с мечтой о тотальном государстве. Поэтому, эта вторая тема о "восстании государства" систематически замалчивалась, хотя последняя глава первой части "Восстания масс" так и называется: "Величайшая опасность — государство". Вот вторая пророческая выдержка (тоже в моем буквальном переводе с испанского) из нее:

"Современное государство и массы совпадают только в том, что оба они — анонимы... Общественная спонтанность будет все чаще насильствоваться вмешательством государства; никакое новое семя не сможет принести плодов. Общество будет принуждено жить для государства, человек — для правительственной машины. И так как само государство в конце концов только лишь машина, существование и поддержание которой зависит от окружающей его жизненности, то государство, высосав до мозга костей все соки из общества, станет чахоточным, превратится в скелет, и умрет ржавой смертью машины, более трупной, чем смерть живого организма."

И. Андрушкевич

ПЕЧАТЬ

СОВЕТСКИЙ ПРОГРЕСС

В «Неве» № 8 за 1990 год лучшее — отдел рецензий. А. Мелихов, разбирая «Окаянные дни» Бунина, опубликованные зараз в двух подсоветских журналах, «Даугава» и «Литературный Киргизстан» (увы, как он отмечает, с купюрами «по этическим соображениям»), комментирует:

«Кажется, учение о Прогрессе есть одна из самых бесчеловечных и бессовестных выдумок: оно заставляет искать оправданий каждой жестокости, оно наделяет людей атрибутами Божества — знанием будущего, «исторических перспектив» и правом решать, чьими жизнями дозволено платить за приближение этого гипотетического, но непременно «светлого» будущего, неким чудесным попечением должностящего возникнуть из убийств, лжи и унижений».

Рядом, К. Щеглова, по поводу опубликованной в «Юности» повести А. Приставкина «Кукушата» выражает такое мнение о коммунистических палачах: «Да и не верю я, что в постаревших преступниках на склоне лет загворила совесть. Не было ее у них и никогда не будет».

БЕЗВЛАСТИЕ

В московском журнале «Родина» (№ 2 за 1990 год) В. Астафьев начинает свою статью «Спасет только чудо», таким параграфом:

«Советы представляют народную власть, а у нас вот уже долгое время — безвластие. Комиссаров, не выдавших в глаза сохи, когда-то посылали в деревню учить мужика пахать землю. На стройках коммунизма парторги делали вид, будто понимают в производстве и технологиях больше дипломированных инженеров. А попытка политотделов командовать армией, как, например, Мехлис в Крыму, привела к тому, что мы быстро половину страны провоевали. Самонадеянно занимаюсь не своим делом, партия многое порушила и погубила, задавила народную власть, но при этом упустила свое: воспитание людей, диалог с человеком».

ПРОЯСНЕНИЕ МОЗГОВ

Любопытны результаты анкеты, представляющей собою «опрос общественного мнения», публикуемые в том же номере журнала. Приведем некоторые данные:

«Все, сделанное с царской семьей — преступление, которого нельзя оправдать — 55,8 %;

Выгоднее было бы использовать царя в качестве заложника, чтобы предотвратить интервенцию. Его убийство спровоцировало Гражданскую войну, разрушило общественную мораль — 40,8 %; Конечно, с позиций сегодняшнего дня казнь Николая II и его семьи выглядит делом незаконным, его следовало бы всенародно судить, однако такова была эпоха и ничего тут не поделаешь — 12,9 %; Царя и его близких постигла суровая, но справедливая кара и нет смысла вновь ворошить этот для всех ясный вопрос — 4,6 %».

Вот какие мнения опрошенные высказывали об участниках Гражданской войны со стороны красных:

«Красные были заблудившимися, они верили в свою правоту, думая, что дерутся за лучшее будущее; Идеалистами — простыми людьми и преступниками; Были и путаники, были и подлецы; Пенной, всплывшей в результате октябрьского переворота; Завистниками, делителями чужого добра; Агентами вредительской теории классовой борьбы плюс неудачниками при старом режиме; Орудием в руках масонов».

Как комментирует журнал: «Одновременно изменились и взгляды на тех, кто сознательно или в силу стечения обстоятельств оказался по ту сторону баррикады. Безапелляционно уничтожительные их характеристики пошатнулись. Монархизирующие уголовники, взбесившиеся от пресыщения хищники-миллионеры, влявшие в параноидальное озлобление и спивающиеся хлюпки-интеллигенты — все эти образы, в досталь покочевавшие по страницам художественных произведений и экранам кино и телевизоров, перестали олицетворять ту крайне разнородную массу, что противостояла красным. Кем же кажутся потомкам белые? — Людями, вынужденными защищать себя, близких, свой мир — 60,7 %; Патриотами, отстаивавшими национальное достоинство, традиции, честь — 29,2 %; Идейнными сторонниками старого строя, монархистами — 28,9 %; Угнетателями, бившими за свои капиталы и привилегии — 12,0 %; Людями, искренно заблуждавшимися — 11,4 %; Другими — 3 %».

А есть о них и такие мнения: «Белые были людьми, слепо преданными старой присяге; И патриотами, и реакционерами; Глубоко несчастными людьми; Людями, уважавшими русскую культуру; Противниками разрушения, анархии, жестокости, голода; Провидцами, знавшими, к чему приведут Россию дилетанты; Цветом нации, золотым генофондом; жаль, что они не нашли общего языка с народом».

В. Р.

В конце апреля с. г. в сибирском городе Омске объявила о своем существовании группа «Возрождение». Группа состоит из девяти человек, семеро из которых потомки дворянских родов (по их собственному утверждению). Она стоит на антикоммунистических позициях и намерена бороться за общество по свободному образцу, и в частности, за восстановление института дворянства и введения в употребление обращения «господин».

По заявлению лидера группы «Возрождение» Юрия Романова в начале мая с. г. священник Крестовоздвиженского собора о. Вячеслав дал им святое благословение на борьбу с коммунизмом. Юрий Романов целовал освященный крест.

Андрей Кравцов (Омск)

